

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Поросенок

«Вот к слову пришлось, Аксинья Тихоновна, про воров-то... дом-от яма, гляди прямо... У одного мужика была лошаденка, лядащая такая: все, бывало, на огородах и днюет и ночует. Приходит к ней вор ночью. Видит, нечего взять, живот плетень плетнем, ног не волочет. Подумал маленьчко, да и говорит...»

**Николай Васильевич
Успенский
Поросенок**

– Вот к слову пришлось, Аксинья Тихоновна, про воров-то... дом-от яма, гляди прямо... У одного мужика была лошаденка, лядащая такая: все, бывало, на огородах и днюет и ночует. Приходит к ней вор ночью. Видит, нечего взять, живот плетень плетнем, ног не волочет. Подумал маленечко, да и говорит: «Сем, штуку выкину», – и зажег ей хвост. Как ты думаешь?.. известно, лошадь со всех ног бросилась куда глаза глядят. Вор за ней, кричит: «Берегись!..» – а огонь так и развевается.

– Царь небесный!..

– Да-а-а!.. вот что делают озорники. Говорит пословица: «Кошке игрушки, а мышке слезки».

– Точно-с... точно-с... Что же, Федосья Николавна, лошадь-то жива осталась аль уж где?..

– Жива... поди! на другой день ноги протянула.

– Грех какой!..

– А вечер она убежала на большую дорогу. Там ее и нашли. Говорят, ехали о ту пору чьи-то господа, глядят: что за полымя такое?.. Верно, салом каким намазал, разбойник: долго

горело... Это лошади господские как увидали, что мчится огонь навстречу, так и бросились в сторону, насилу кучер сдержал.

– Насилу сдержал... чего не бывает, Федосья Николавна, на белом свете! Я думаю, это все по злобе... Вот тоже, говорят, в Осинках, когда еще покойник был жив, мерина удавили...

– Воры?..

– Полагают, что воры. А вестимо, дело божие... под самый перемет подпихнули-с... вон как!..

– Э! не скалозубят ли, Анисья Тихоновна? вор скорееича сведет животину долой со двора, чем того...

– Думают, так точно сделалось... одначе кто знает? А вот, Федосья Николавна, я вам расскажу сущую правду про вора... Со мной случилось... Только никакой особенности не было... украл, и вся недолга... про поросенка-с... Ей-богу! Сказать?..

– Ну-ко, ну-ко... я послушаю.

– Извольте послушать. Знаете, у меня прежде, при покойнике, существовали свињи, то есть как снег белые, – господь с ими, –

таких завсегда поросят жаловали, что ни на есть самых лучших: с дивушки дашься; провалиться, не вру...

– Я помню...

– Право-с. Теперь, стало быть, поехала я, осенью, поросят продавать в город В... я, и Агап мужичок со мной... поросятенок пяток всего взяли. Вот, мать моя, приехатчи в город, сейчас остановились на хлебной площади. А народу там, знаете, в базарный день бесчисленное множество-с... додору нет[1]. Вы, чай, бывали там?..

– Как же, бывала.

– Хлебушек продавали-с?

– И хлебушек продавала, и по разным okazиям всяческим...

– Так изволите видеть: остановились мы на площади, отпрягли лошадь. Агап мне говорит: «Анисья Тихоновна! я пойду ведерочек купить». – «Пооди, говорю, пооди купи». Он и ушел. – Слышите? осталась я одна: села на телеге с плетушкой и сижу с поросятами. Вокруг меня эвто торговки всякие с пирогами, с грушей горячей, мужики, купечество разное, с посудой, кто с чем. Я взяла подтыкала пла-

тье-с и села, ожидаю покупателей. – Вскоре, сударыня ты моя, подходит ко мне купчик молоденький такой, щеголек, подходит и спрашивает: «С какими товарами?» – «С поросятами», говорю. «Покажи». Я открыла плетушку. Он вынул одного и осведомляется касательно цен. «Как цена?» – «Без лишку: полтора рубля». – «Таких, говорит, цен нонеча не бывает, а ты скажи настоящее». Я говорю: «Уж для почину, так и быть, рубль с четвертью». Он вынимает кисетик и выкладывает мне. Пересчитала я, «так точно-с», говорю, и перекрестилась. Подходит другой покупатель, также любопытствовал товар, спросил цену и отдал денежки. Гляжу-с, идет третий, Федосья Николавна. Идет в синей поддевке, худощавенький, на лице у него шов. А глядеть; честный. Право-с. Как раз подходит и осведомляется: «Почем поросята?» – «Рубль с четвертью». Знакомых же, сударыня моя, вокруг меня никого нет. Засим говорит такие речи (прасол[2] он, что ли, какой): «Держи гривенник задатку, остальное сейчас принесу». И пошел. Я сижу. Годя немного, друг ты мой, вижу, он идет обратно. – «Что, цел, говорит, поросенок, которо-

го я торговал?» – «Цел, милый человек; как давеча двоих продала, только и есть, опричь никто не брал». – «А цел гривенник?» – «Целс», – и показала ему в горсти гривенник. – «Дай его сюда, отвечает он мне, я тебе огулом все деньги отдам». Я отдала. Полез он после того в плетушку, выбрал поросенка, вытащил его за заднюю ножку и несет... сам удаляется от меня... Я кричу: «Сударь! почтенный человек! куда вы?.. деньги пожалуйте!..» Он издали вопиет: «За мной иди, за мной, дома отдам». В одну минуту нырнул в народ и исчез, аки прах какой. Что делать, Федосья Николавна? как быть?.. поросят бросить не на кого; бежать вслед ему не приходится: товар весь растаскают. Я кричу: «Ах, батюшки, заступитесь за вдову: поросенка унес один человек». Подвернулся тут какой-то мещанин, спрашивает меня: «Чего ты, говорит, тетушка?» Я: «Так и так, поросенка унес один человек, я его совсем не знаю». Он говорит: «И я не знаю», – и отошел. Потом подходят ко мне, сударыня ты моя, два молодых юношей, обнявшись промежду собою, и спрашивают: «Что ты кричишь, тетенька?» Я отвечаю: «Покража, го-

лубчики мои, сотворилась; не знаете ли сего человека? в синей поддевке?» – «Э! говорят, у него рубец на щеке?» – «Так, так, рубец...» – «Нет, говорят, не знаем», – засмеялись и ушли.

– Бедовые!.. тут держи ухо остро да остро: с ног смотают, – женское дело...

– Именно с ног смотают, мать ты моя родная...

– Ты бы жаловаться скорее... чего ж смотреть?

– Вот-с извольте дослушивать, Федосья Николавна. Я, конечно-с, намеревалась жаловаться. Ведь вы сами посудите: мое дело вдове, – кто мне что припасет?.. Следственно, сами рассудите, по-божьему... Приходит Агапушка с ведерками. Я ему сказываю: «Как нам, Агапушка, быть? – рассказываю ему все, – примета, дескать, такая-то, в синей поддевке...» Только что вы думаете? А Агап его знает... «Эвто, говорит, Анисья Тихоновна, прощальга надменный, ибо всем известный; я его и дом знаю». Как раз, значит, уложил ведерки, перепоясался и пошел к нему на дом. «Одначе вряд ли мы, Анисья Тихоновна, разы-

цем», – объяснял он мне таким манером. «Почему?..» – «Так как он есть вор, по этой причине вора изловить трудно». – Но я доказала ему: «Ты хоть посмотри сходи, поросенок с приметой: правое ушко сечено и хвостик в дегтю...» Затем Агап приходит туда, всходит в горницу, сидит хозяйка, что-то работает; а поросенок по полу ходит... Слышите? дай бог исчезнуть, не лгу... ходит, вот как есть ходит, похрюкивает себе полегонечку... Примерно, Агап ведет такие речи с хозяйкой:

– Здравствуйте, матушка. Где ваш супруг?..

– Тебе на что?

– Да дельце есть.

– Мой супруг на торгу...

– На торгу... А я у вас поросенка возьму. Почему возьму?.. потому что он наш собственный...

– Не смеешь брать, его мой супруг купил.

– Нет, не супруг; а в спасов день[3] его нам законная свинья пожаловала. Следственно, я должен взять.

– Ступай вон, – говорит, – мужик. Ты, – говорит, – сам свинья, рыло нечесаное.

Агап приходит и докладывает: не дает по-

поросята. Вот тут, Федосья Николаевна, я встала и говорю: «Агапушка! покарауль, голубчик, поросят, видно, сидемши-то, ничего не высидишь; что будет, то будет, иду к купеческому голове». А сейчас помереть, ни за тысячи рублей не пошла бы жалиться, если бы голова не был мне знаком; то есть я, сударыня ты моя, теперича порешусь на какое другое дело, опричи жалобы. Истинно справедливо говорю. Всегда дрожмя-дрожу, как злодейка какая, ежели придется что касательно начальства. Такой характер. – У Агапа же я не забыла спросить дом того человека... недалеко от площади он... такой низенький...

А купеческий голова знаком мне по тому случаю, что я брала у них в лавке, что требовалось; покупала, значит, харчи всякие, ни у кого больше, только у них. Прихожу. Он собирается куда-то идти и встретил меня уже на лесенке.

– Здравствуй, Анисья Тихоновна, – говорит он мне.

– Здравствуйте, батюшка Прохор Антипыч.

– Что ты?..

– Заступись, отец родной: поросята укра-

ли.

– У тебя украли?

– У меня, Прохор Антипыч.

– Как так?

– Сижу я на торгу с плетушкой; подходит человек. «Почем поросята?»... – и все подробно описала.

– Давно? – спрашивает он меня.

– Недавно-с...

– А как недавно?..

– Не могу вам подлинно рассудить, только очень недавно.

– Посиди, – говорит, – здесь. Я собрался по одному делу к его высокородию тутошнему городничему, потолковать с ним о важной материи, так намекну ему и про твою покражу. Поди сядь, – говорит. Я вошла в лавку и присела там. Городничий же как есть, мать моя, жил насупротив Головина дома – рукой подать... Пошел он, а у меня сердце так и замерло... Ну, да потребуют к городничему?.. что я могу сказать ему с своим бабьим толком?.. трясусь, точно самодерга какая. Глядь, вижу, Федосья Николавна, действительно входит в лавку солдат, возглашает:

– Кто здесь женщина?..

– Я, милый человек.

– Вы просительница? – Я просительница.

– Пожалуйста к городничему.

– Ну! иду, голубушка ты моя, иду... ногами совсем не обладаю... ступить не могу... Дорогой служивый меня спрашивает:

– Относительно поросенка дело затеваете?

– Относительно поросенка-с... После этого я ему:

– Научи ты меня, господин служивенький, как, примерно, объясняются супротив городничего? как его величают?

Он сказал:

– Говори: ваше высокородие, да смотри в ноги не забудь шаркнуть[4].

Всхожу в палаты, стою у двери, жду, а сама, родная ты моя, перед господом богом щепчу про себя: «Помяни, мол, царя Давыда и его кротость; помяни царя Давыда и его кротость...» Вдруг из дальних покоев грядет он ко мне в шелковом, матерчатом таком балахоне, с трубкой; эвтак из-за пазушки крестик виднеется. А за ним, мать моя, голова, почтительно сложимши руки за спину. Подходит.

– Ты просительница?

– Я, ваше высокородие... Сама в ноги.

– Встань, – говорит. Я встала.

– У тебя поросенка украли? – Каким манером?..

– Так и так, ваше высокородие... сижу с плетушкой на хлебной площади, жду покупателей, – и все расписала... а у самой в глазах такие нешто огоньки, беда-с... Что с моей натурой делать, Федосья Николавна? Намесь, ей-же-ей не лгу, старшины в церкви испугались: «Передай, говорит, свечку Смоленской», – и толкает меня; всполошилась ужась как... Даже он заприметил; опосле выговаривает: «Чего ты, говорит, взбеленилась, дурища этакая!»

Дальше-с, городничий, выслушавши меня, подумал и пошел в комнаты. Я стою у двери. Выносит мне, государыня моя, купеческий голова писулечку и гласит: «Ступай к хвартальному во вторую часть на Пощечинскую улицу». Потом сам городничий кричит мне: «Сходи, тетенька, с моим солдатом, он тебе укажет дом». Я и побрела. Солдат со мной. Идем да поговариваем, беседуем, дорогой-то. Разгово-

рились. Слово за слово, мать моя, он и держит такие словеса: «Не тужи, сердечная! поросенок теперича отыщется, ежели милость твоя будет пожаловать мне на полштоф...» Конечно-с, совестно было отказать. Деньги я, Федосья Николавна, завсегда при себе находила; ибо, знаете, дело мое вдовье, неравен всякий случай может случиться... дала ему. Он то есть зашел, выпил; скоро управился. В это самое время зазвонили к вечерне. Дом у хвартального такой особенный, деревянный; отдельно стоит на пустыре; на воротах лежат хищные звери, зеленой краской выкрашенные. Недалече будка-с. Ну-с, вот мы входим в хоромы самые. У двери стоит солдат, вычищает платье. Он обращается к нам:

– Что вам угодно?

– Доложите, – говорю, – вашему барину, – и подаю записку.

– Касательно чего потребствие имеете?

– Касательно поросенка-с... так и так.

Он пошел и доложил про нас. Квартальный выходит с стаканом чаю в руке и с моей записочкой. Читает. Прочитал и говорит:

– Ты просительница?

– Я-с, ваше высокоблагородие.

– У тебя поросенка украли?

– У меня-с.

– Что же, ты хочешь найти его?.. Поди-ко сюда в комнатку, потолкуем о твоём деле.

Поставил стакан на прилавочек в прихожей и ведёт, голубушка ты моя, меня в махонькую каморочку, тут и есть направо. Запер за мною дверку и вопиет:

– Ты как смеешь беспокоить городничего?
а?

Я так с испуга и раскисла. В глазах, верите богу, вот как замутошилось, что квартального из виду потеряла.

– Да говори: почему ты беспокоила городничего? почему не обратилась ко мне?

– Ваше высокоблагородие, – говорю, – я и не ведала даже, где городничий жительствоует, и не думала к нему ходить. Первоначально я осмелилась утруждать купеческого голову.

И слышать не хочет; шумит:

– В часть тебя, дрянь такую... в часть запру... эй! солдаты!..

– Батюшка! помилосердствуйте... что хоти-

те с меня извольте взять, только избавьте му-
ки... все возьмите...

– Да что с тебя взять-то, с пасквили?

– Вот целковый...

Он протянул руку... и отворил дверь.

– Смотри, – говорит, – ежели ты теперича
когда вторично будешь жаловаться городни-
чему, я с тобой не расстанусь так.

– Не буду, – говорю, – никогда... Слава богу,
отлегло от сердца.

– Как же, – спрашиваю, – ваше высокобла-
городие, относительно поросенка, прикажете
уйти мне?..

– Сейчас, – говорит, – со мной пойдешь
вместе.

Ну, думаю, Федосья Николавна, не чаяла
вживе остаться... такой характер заноза у ме-
ня...

– А знаешь, – спрашивает он, – дом того че-
ловека, что унес у тебя поросенка?

– Знаю-с. Недалече от площади.

В скором времени мы пошли с хварталь-
ным; вдобавок с нами два солдата идут. Толь-
ко что мы, сударыня моя, приходим к тому до-
мику, крохотный такой, и идем прямо в по-

кои; квартальный упереди. Видим: на лавочке сидит женщина, вяжет чулок; вокруг ее никого нет. Сейчас квартальный вскинул взорами и спрашивает:

– Где твой муж?

Она поднялась, обдернула фартук и гласит:

– Мой муж на работе-с.

– На какой работе?

– Канаты сучит.

– В каком месте?

Она маленько подумала и доложила:

– В Грязной улице, у своего хозяина.

– Ты врешь? – сказал квартальный.

– Никак нет-с. С мальства не училась этому делу, чтобы врать...

Квартальный обернулся и повелел солдату сходить в Грязную улицу и разведать все. Мы стоим, ожидаем. Квартальный сел, закурил пипочку такую, а сам ни слова. Солдат приходит уж долго голя.

– Что?..

– Да что, хозяин говорит, у меня его нет. Я не знаю, что за человек такой есть.

Квартальный как разозлится, милая ты моя, только нешто зубами поскрыпел.

– Я тебя попотчую, – говорит он ей на прощанье, как совсем выходил.

Вся причина, поросенка не отыщем никак.

– За мной идите, – говорит хвартальный.

Мы пошли. А уж, Федосья Николавна, становилось поздно. Куда ведет, в толк никак не возьму. Сердце у меня не на месте. Думаю: «Как Агап на площади? чего доброго, не растаскали бы последних...» Вот-с идем из одной улицы в другую, как повернем за угол, так хвартальный обращается:

– За мной идите. – И все дальше да дальше.

Очутились мы перед чистеньким домиком. Хвартальный остановился у калиточки и начал дергать за веревку... зазвенел колокольчик... Калиточка отворилась, и показался кто-то с надворья. Он спросил: «Дома?» – и ушел туда. Слышите? Ждем, сударыня ты моя, после этого; проходит с час времени, ничего нет, проходит другой, мы разговариваем: «Что, мол, такое значит?»

Солдаты мне объясняют:

– Он еще долго не воротится. Ежели уж за сиделся на месте, то скончания не будет сиденью...

– Как же, служивенькие, так?

– Да так. Не будет ли вашей милости пожаловать нам на полштоф, а то нам пора отправляться...

– А я-то, господа квалеры, с кем останусь? Теперича я и дороги не найду.

– Ас нами же, – говорят, – и останешься, ежели пожертвуешь опохмелиться... Мы даже проводим вас после таких делов...

Размышляю в своем разуме: «Надо дать!.. что, как взаправду они уйдут?..» Дала. Вторая причина, отказать не приходится, взяла и дала. Недалече, сударыня моя, тут был кабачок... Я осталась у калитки, стою. Солдаты вышли скоро. Глядим, выходит с надворья хвартальный, смотрю – за ним другой, тоже хвартальный, стало двое их. Теперь, Федосья Николавна, милая ты моя, тот, что с нами был прежде, сделался хмелен, а другой нет: не совсем чтобы хмелен. Хмельной идет да покачивается и называет другого своим приятелем. Другой отвечает только: «Спасибо», – говорит... Захмелявший шумит: «За нами идите!» – и все шатается... А тот глаголет ему. «Нехорошо, говорит, не качайся!..» Таким ма-

нером, сударыня моя, мы идем. Солдаты ведут речи промеж себя, что хмельной хвартальный, когда тверезов, дока бывает... на все дела мастер... Только что как выпьет, нехорош делается... Приходим, мать моя, к прежнему дому, где вор-то жительствовавал; всходим. Опять его хозяйка сидит, чулок вяжет. Сию минуту тверезой хвартальный обращается не к ней, а ко мне:

– У тебя поросенка украли?..

– У меня, ваше высокоблагородие.

– Кто, – говорит, – видел твоего поросенка в этом самом доме?..

– Мой Агапушка, – говорю...

– Позвать!..

Я как раз отправляюсь с одним солдатом за Агапом на площадь и больно уж рада, что по крайности узнаю, как он там, сердечный, справляется? Дорогой, Федосья Николавна, – что вы станете делать? – солдат опять просит опохмелиться. Ну, уж тут я ему прямо сказала: «Ты, мол, голубчик служивенький, посмотри, сколько у меня деньжонок осталось? на, пожалуйста, посмотри: всего, вишь, навсего три четвертака». Он отвечает: «Ну не на-

до!.. главное дело, говорит, я так спрашиваю: дескать, нет ли опохмелиться?» Ну приходим мы на площадь; стало темненько; вижу – вдалеке сидит, Агапушка, ждет... никого нет на площади. Подхожу, смотрю, поросят всех раскупили... ну, слава богу!.. «Пойдем, говорю, Агапушка, к хвартальному»; сели на телегу и подъехали к тому дому.

Спрашивает хвартальный Агапа:

– Ты тут видел поросенка?

– Тут-с, как же не тут, когда наш поросенок меченый, хвостик в дегтю и прочее...

Потом говорит хвартальный супротив хозяйки:

– Ты что ж говоришь, анафема, что у тебя не было поросенка?

А хмельной хвартальный себе:

– Ты что ж, анафема, разговариваешь, будто у тебя нет поросенка?.. В часть ее! эй!..

Но тверезой отвечает ему: «Не кричи, говорит, нехорошо!..»

Хозяйка же только твердит: «Знать не знаю, что есть за поросенок такой на свете». Бились, бились! вдруг хмельной хвартальный подходит ко мне и спрашивает:

– Да ты что ж, говорит, дурища, молчишь? а? Я за тебя стараюсь, шумлю здесь от души сердца, а ты не разговариваешь?..

А тверезой на Агапа:

– Ты врешь, дурья порода! ты здесь и не был.

– Как не был?..

– Я тебе говорю, что ты не был... ты послушай меня, что я говорю: ты не был!..

– Нет, я был...

– Врешь!..

Да как пошли, как пошли... батюшки!..

– В полицию вас всех, – кричат.

А хмельной хвартальный объясняет мне:

– За водкой надо посылать!.. Ты у меня не размышляй, а дело делай. Я тебе сказываю так точно... чтоб в акурате водка явилась...

Только после таких разговоров, голубушка моя, окончилось тем, что поросенка так-таки не разыскали (вор – бедовый). Хвартальные же между тем сказали друг другу:

– Пойдем в трахтир, их сам шут не разберет!.. И пошли. Мы постояли маленько и себе пошли. Жалко поросеночка-то... право слово... как налитой, господь с ним!.. сама три недели

кормила...

1858

Примечания

1

Додору нет – то есть тесно, не продерешься к
возам на базаре.

[^^^]

2

Прасол – торговец или маклер, посредник между базарным продавцом с возу и местным скупщиком.

[^^^]

3

Спасов день – имеется в виду, вероятно, так называемый спас первый (1 августа по ст. ст.).

[^^^]

4

Шаркнуть – здесь: ПОКЛОНИТЬСЯ В НОГИ.

[^^^]